

THE MESSENGER • DER BOTE

ВЕСТНИК

орган р.с.х. движения
в германии.

МЮНХЕН

ЯНВАРЬ

I

1949 год

О Г Л А В Л Е Н И Е № 1 (1949 год)

1. ОТ РЕДАКЦИИ	1
2. АРХИПАСТЫРСКОЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ	2
3. НЕБО - ВЕРТЕП	3
4. ОТЕЦ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ	4
5. ЦЕРКОВЬ — проф. И. П. Четвериков	5
6. О РЕЛИГИОЗНОМ, БЕЗРЕЛИГИОЗНОМ И АНТИРЕЛИГИОЗНОМ ТВОРЧЕСТВЕ — Г. Г.	15
7. РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И РЕВОЛЮЦИЯ — проф. Ф. А. Степун	23
8. ЦЕРКОВНАЯ ХРОНИКА	28
ЖИЗНЬ ДВИЖЕНИЯ:	
9. Возникновение Р. С. Х. Д. в Германии	31
10. Осенний съезд Движения в Париже	32

Журнал выходит один раз в месяц.

Цена отдельного номера — 1. 50 DM.

Редактор: *прот. Александр Киселев.*

Адрес редакции: *Pfarrer A. Kisseleff
München 27. Mauerkircherstr. 5.
Germany — US Zone*

Издание Р. С. Х. Движения в Германии.

Русское Студенческое Христианское Движение за рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения православной Церкви и привлечение к вере во Христа неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей готовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Почти десять лет тому назад ежемесячник Русского Студенческого Христианского Движения за рубежом „ВЕСТНИК” прекратил свое существование. Сейчас, тетради этого журнала, свыше десяти лет служившего идее Православной культуры и видевшего на своих страницах имена лучших носителей православной богословской мысли в эмиграции, стали библиографической редкостью. Возродившееся в Германии Р. С. Х. Движение этим первым номером своего местного печатного органа надеется положить начало восстановлению „Вестника”.

Редакция, памятуя высокий уровень довоенного „Вестника”, вполне сознает ту ответственность, которую она принимает на себя, приступая к изданию журнала, долженствующего в духе подлинной христианской свободы отражать на своих страницах глубину православной мысли, нести православному, особенно молодому, читателю вечные идеалы Православия, раскрывать в свете Христовом проблемы современности и держать читателя в курсе событий православного и всего христианского мира.

В служении Господу Иисусу Христу и Его Церкви, в хранении и созидании Православной культуры Движение видит путь к спасению Родины и родного народа.

Не полагаясь на свои слабые человеческие силы, Редакция уповает на помощь Божию и обращается с призывом о поддержке „Вестника” к тем читателям, кому дорога Православная культура, судьбы ее в современном мире и будущее нашего молодого поколения.

Редакция с радостью помещает нижеследующее письмо-благословение Высокопреосвященнейшего Серафима, Митрополита Берлинского и Германского.

От всей души я приветствую издание настоящего ежемесячника „Вестник” и призываю Божие Благословение на его руководителей и сотрудников. — Необходимость издания этого ежемесячника в настоящее время вне всяких сомнений, ведь русская православная эмиграция к прискорбию слишком бедна религиозно-просветительной и духовно-правственной литературой. А между тем, некоторые инославные религиозные организации, зная эту нашу бедность, развивают среди православных широкую пропаганду. В особенности в последнее время усилилась эта враждебная нам пропаганда. — Но не менее важно другое обстоятельство. „Вестник” является органом Русского Студенческого Христианского Движения; другими словами, он является органом и голосом того поколения, которому мы — старшие — в недалеком будущем должны передать Знамя Православия, св. веру великих отцов и подвижников Церкви, заветы благочестивых предков и возвышенные идеи и идеалы Православной культуры. Раскрытие этих божественных святынь и духовных ценностей и утверждение их в сознании всех членов Движения — основные задачи „Вестника”. И дай Господь, чтобы этот труд был увенчан добрым успехом, потому что сегодняшнее русское православное студенчество должно дать русскому народу благочестивых, просвещенных и самоотверженных учителей и руководителей на всех поприщах жизни. Наконец, я уверен, что руководители и сотрудники этого ежемесячника приложат все старания к тому, чтобы охранять сердце и ум молодого поколения от тех губительных учений, заблуждений и искушений, которые довели человечество чуть ли не до апокалиптической катастрофы, от неверия, уныния и пессимизма и укрепят во всех членах Движения непоколебимую веру в Божию Правду, в всепобеждающую силу Христовой Любви, в торжество Православия и в востание Святой Руси!

Митрополит Серафим.

Сегодня пастухи видят Господа, пеленами обвитого и лежащего в яслях.

(Из Рождественских песнопений).

НЕБО-ВЕРТЕП

(из проповеди отца Сергия Булгакова)

Ныне — Пасха Вифлеемская, рождается Агнец Божий, вземляющий грех мира. Ныне примиряется в Нем Бог со своим творением. Ныне посылается Христов мир на землю, Им дарованный ученикам. Ныне благословение Божие человекам, отъятое силою греха, возвращается. И о сем свидетельствует пение ангелов на небесах: „слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение”. Отъято было благоволение Божие от человека, не устоявшего в истине своей, но оно почит на Том, Кто есть истинный Бог и истинный человек, в Ком восстановлен человек в истине своей. Он есть Сын Божий и Сын Человеческий, Которому благоволил Отец Небесный, а в Нем и через Него благоволение приходит и к людям. Он принес на землю мир Свой, и Он пребывает в любящих Его всегда, и в дни сии гонения и скорби. Христос стал новым Адамом. Он есть истинный человек и всечеловек, в Нем полнота и основание человечества. Рождество Христово совершилось для всего человечества, в каждом человеке Христос присутствует таинственной силою Своей, хотя сколь многие не ведают этого, как не уведал мир и о Его рождении от Девы в вертепе. Должно совершиться Его рождение и в нашем духе. Душа должна познать в себе вертеп вифлеемский; дикие страсти, терзающие ее как звери, утихнув, должны дать место кротости и смирению тельца и вола подъяремного. Разум должен преклониться с восторгами пред солнцем правды, восшедшим с высоты востока, очи отверстые должны узреть лики ангельские. Да совершится Рождество Христово и в сердце нашем, ибо без этого рождения оно останется глухо, безучастно и хладно. Христос родился, Бог во плоти, в каждого из человеков, все мы причастны, все лично приобретаем к тайне Его рождения. Да приобщимся и к Его радости. Слава в вышних Богу, и на земле мир благоволения к человекам. Аминь.

Сегодня все ангелы ликуют на небесах и люди радуются, потому что сегодня разрушено всякое идольское зло, и Христос царствует во веки.

(Из Рождественских песнопений).

О. Иоанн Кронштадтский

20-го декабря 1908 года 79-летним старцем скончался всероссийский молитвенник и чудотворец о. Иоанн Кронштадтский.

Духовный облик этого праведника наилучшим образом отображен в его дневнике „Моя жизнь во Христе“. Как „Добротолюбие“ (собрание аскетических наставлений) является полноценным руководством для монахов, так и „Дневник“ есть подлинное руководство к жизни во Христе в миру. Всякий христианин, построивший свою жизнь сообразно „Дневнику“, достигает тех же результатов духа, каких достигает всякий монах, исполнивший учение „Добротолюбия“. Тот и другой окажутся точными исполнителями заповедей Евангелия и войдут в тот же „покой Господень“ различными внешними путями своих жизней.

Высокий христианский дух о. Иоанна проявлялся так же и в большой социально-просветительной деятельности. В 1882 году им был открыт в Кронштадте „Дом Трудолюбия“, в котором были устроены: собственная церковь; начальное народное училище, для мальчиков и девочек; убежище для сирот; приют; лечебница для приходящих; народные чтения; странноприимница, дававшая пристанище многим тысячам людей; народная бесплатная читальня; разные мастерские, в которых неимущие могли получить заработок; народная дешевая столовая, в которой по праздникам отпускалось до 800 бесплатных обедов.

ИЗ ДНЕВНИКА О. ИОАННА КРОНШТАДТСКОГО

„МОЯ ЖИЗНЬ ВО ХРИСТЕ“

Бог есть Истина: и молитва моя должна быть истинна, как и жизнь; Бог есть Свет: и молитва моя должна быть приносима в свете ума и сердца; Бог есть Огонь: и молитва моя, как и жизнь, должна быть пламенна; Бог свободен: и молитва моя должна быть свободным излиянием сердца.

О вера святая! Какими словами, какими песнями я прославлю тебя за бесчисленные блага для души и тела, дарованные мне тобою; за все силы, которые ты во мне

совершила и совершаешь; за блага мира и отъятие смятения; за блага свободы с отъятием тесноты горькой; за блага света духовного и прогнание тьмы страстей; за блага дерзновения с отъятием малодушия и боязни; за блага духовной красоты и духовного величия с отъятием рабства греховного и низости духа; за блага святости с отъятием греховной нечистоты; за отъятие злобы, зависти, своеволия и упрямства, любостяжания, блуда и всякого духовного растреления. Слава Тебе Богу, Благодарителю моему во веки веков. Познан буди, Господи, в вере Твоей, всем людям Твоим и всем племенам земным, да все прославят Тебя едиными усты и единым сердцем от востока солнца до запада. Буди, буди.

Забуду ли я Тебя, Господи, невидимый, непостижимый, Господи, исполняющий присно сердце мое жизнью, светом, миром, радостью, силою, терпением; Тебя, Который бываешь для меня всяким благом в моей жизни и един составляешь жизнь мою. — О, не дай мне забыть Тебя.

ЦЕРКОВЬ

Верую во едину святую соборную и апостольскую Церковь.

После грехопадения промыслительно-творческий акт Божий заменился „домостроительством“ нашего спасения, строительством Дома... Дом Божий есть Церковь Бога живого, столп и утверждение истины (1 Тим. 3, 15). Это строительство есть великая благочестия тайна. Началось оно тем, что „Бог явился во плоти, оправдал Себя в Духе, показал Себя Ангелом, проповедан в народах, принят верою в мире, вознесен во славу“ (1 Тим. 3, 16). Так сжато изображает ап. Павел построение Церкви, Дома Божия, для нашего спасения. Бог вошел в мир и человеческую историю, приняв истинное, непризрачное человеческое тело с плотью, душою и образом Божиим. Господь Иисус Христос объединил в Своем лице Божеское и человеческое, небо и землю, тело и дух. Он — Первенец, начало нового космического процесса, который должен привести к Богу весь мир, все покорить под ноги Его. „Да будут все едино“, молился Христос в Гефсиманском саду, „как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино“ (Ио. 17, 21). По образу Св. Троицы весь мир

должен стать едино с Богом. Христос — путь к этой конечной цели бытия, но путь, по которому человечество должно идти само. Бог наделил человека при его создании свободой и, не дав ему последнего совершенства, предоставил самому и свободно идти к конечной цели. Ноги наши поставлены на путь мира (Лук. 1, 79), но идти должны мы сами. Дом Божий строится. Каждый может, если захочет, войти в него, и не просто — войти, но и стать членом семьи этого Отчего Дома, слиться с нею, как члены Тела слиты в теле, облечься во Христа, в нового человека, созданного по Богу (Еф. 4, 24), стать плотью от плоти и костью от костей Его (Еф. 5, 30).

Это вхождение в Церковь совершается в таинстве крещения, которое, на основе литургических текстов, называется у Севера Антиохийского (90 гимн) „духовною матерью“, так как оно силою Духа Святого рождает духовных детей Церкви. Как дети в семье растут, питаемые родителями, и все теснее сплачиваются в одну семью, так и рожденные в таинстве крещения и питаемые в Церкви Телом и Кровью Христовыми и Духом Святым, все теснее объединяются с Богом и между собою. Это единение есть любовь, из которой рождается и стремление к Богу, и усилие подняться к Нему, и единение членов Церкви друг с другом. Любовь и питание таинственно сближаются между собой. Христос положил питание и любовь в основу отношения между Собою и членами Церкви: „ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем (Ио. 6, 56). Он, любя, питает нас Своею плотью и кровью, а мы, любя, питаемся Им. Любовь и питание — сила, объединяющая людей с Богом и между собой: — единственная сила, организующая спасение мира и человечества.

Любовь и питание... В первый момент такое сопоставление кажется странным. Но жизнь утверждает его реальность. Мать питает собою ребенка в утробе. И это — дело ее любви, правда еще не просветленной, не осознанной, но уже чувствуемой ею. Первый год после его рождения она еще продолжает питать его собою. Теперь, когда она видит его, ее любовь становится осознанной. Когда мать учит своего ребенка первой молитве, она питает его своею верою, свою душу отдает ему. Теперь любовь ее становится одухотворенной; теперь их взаимная любовь будет расти, будет расти и внутренняя связь между ними.

Цель питания — не только сохранение органической жизни — оно имеет громадное космическое значение. Современная наука различает два этапа в процессе питания: 1. впитывание высшим организмом низших и 2. превращение их при помощи солнечного света (в растительном мире) и души (в животном мире) в новую, высшую ткань организма питающегося. В результате питания и родственного ему процесса дыхания на поверхности земного шара появилась био- и атмо-сфера, необходимая среда для возникновения высших организмов. В результате же питания происходит непрерывный процесс преобразования мира, его подъем от так называемой неорганической материи к органической и дальше — к все более и более высшим формам органической жизни вплоть до человека. Но не останавливаются и здесь. Питание должно вести самого человека, а с ним и весь мир, дальше, к Богу. Как растение, питаясь светом солнца, несовершенного образа света Божественного Солнца, сияя миру красотой и питая всех нуждающихся обилием своих плодов, как бы поднимается к любви; так и человек, чтобы не только поднимать до себя низшие организмы в процессе питания, но и самому подняться до Христа, должен питаться Его Телом и Его Кровью. Питаясь низшими организмами, человек реально вводит их в свое тело; так же реально, питаясь Телом и Кровью Христовой, он входит в Тело Христово, которое есть Церковь, поднимается до Христа, облачается во Христа. Ап. Павел особенно подчеркивает, что Церковь есть Тело Христово, а жизнь Церкви — Его непрерывное воплощение в мире через питание Телом и Кровью Его. Таинство Евхаристии занимает поэтому центральное место в жизни Церкви и в жизни каждого ее отдельного члена. Оно строит Церковь, поднимает членов ее к Богочеловечеству, укрепляет связь между ними; оно — необходимое условие ее роста. „Одна духовная пища и одно духовное питание; один хлеб и мы, многие, — одно тело; ибо все причащаемся от одного Тела (1 Кор. 10, 3. 4; 16. 17).

Боговоплощение — начало построения Церкви и вместе начало вхождения вечности во время, сверхмирной силы в космическую историю. Вечность и время, сверхприродные и естественные силы, разорванные первородным грехом, теперь снова смыкаются в неразрывное целое. Любовь Божественная совершает великий круговорот. Она начинается истощанием, снисхождением и при-

никанием, чтобы „ничто”, „бедность”, „die Braut Armut”, по выражению Франциска Ассизского, поднять до Себя. Отображенная тварная жизнь воспроизводит в себе этот творчески-промыслительный жизненный круговорот любви. И после грехопадения, когда кольцо этого круговорота разорвалось, и ненависть сатаны проникла в мир, образ Божественной жизни не исчез в нем окончательно. Только греховный взор человека видит в мире одну „борьбу за существование”, одну жажду власти и захвата „жизненного пространства” и не видит в нем ни любви, ни жертвенности. Особенно ярки следы этого образа Божия в растительном мире, с его законченной красотой и вместе максимальной простотой молчаливой и неподвижной жизни. Здесь ярко выявляется любовь, не личная, конечно, а природная, но тоже — нисходящая и жертвенная. Зерно попадает в землю, там как бы истощаясь до смерти, пускает корни, идущие дальше в глубь земли, чтобы собрать ими неорганические соки и в созидательном процессе поднять их, из тьмы к свету. Маленький, незаметный, почти бесцветный росток, поднявшийся с собранными соками из земли к свету, привлекает к себе тоже нисходящие лучи царственного солнца и превращает эти соки в органические ткани, созидая тело растения. И дальше, в растении повторяется тот же круговорот жизни-любви: уход корней растения все глубже и глубже в землю, собиране неорганических соков, подъем их к свету, к листьям кроны, обращение листьев к солнцу, питание их лучами и созидание все новой и новой жизни. Но в жизни растения имеет место и другой круговорот любви: отдача своей жизни внешнему миру — в семенах, своих будущих детях, и в жертвенном питании ими всего живущего в мире; в пышном цветении и аромате, этой радости цветов для радости мира.

Этот образ Божий сохранился в космосе, как целом, но ослабленным и искаженным, в результате падения первых людей: смерть, вражда и разделения вошли в мир. Воплощение Божие восстановило разорванный круговорот любви в мире. Премудрость-Церковь вновь двинула сначала в одной точке, в Вифлеемских яслях, потом в маленькой Церкви-семье, заложенной Христом на Голгофе словами: „Жено, се сын Твой”, „се Мать твоя”; потом в день Пятидесятницы уже в большую Церковь, и с тех пор непрерывно растущую в мире, снова двинула людей, а с ними и весь космос к Богу-Солнцу.

Земля рождает из себя зерна и виноградные лозы; зерна претворяются в хлеб, виноградные грозди — в вино и, наконец, хлеб и вино претворяются в Тело и Кровь Христовы.

Церковь — Тело Христово, Церковь-Премудрость живит космос и организует его движение от „ничто” к престолу Бога. Она есть реальная сила в космическом процессе, занимающая в нем центральное место, как сверхприродная сила, организующая борьбу с дьяволом, темной силой века сего, для окончательной победы над ним, для преобразования „века сего” в новое небо и новую землю, для превращения всего космоса в рай, для низведения с неба от Бога Нового Иерусалима.

Движущей и объединяющей силой Церкви является не одно только питание „плодами земли” и Телом и Кровью Христовой, но и тесно связанная с питанием сила любви.

Мир есть целое; не сумма непроницаемых друг для друга частей, удерживаемых силой „мирового тяготения” во внешнем единстве, рядом друг с другом, а внутреннее объединение частей в целое, при котором исчезает „непроницаемость”, рядом; внешнее суммирование. Внутренне связан и человек с человеком где то на последних глубинах своего духовного бытия при сохранении своей индивидуальности. Здесь перед нами — тайна Троичности, единства и множества. Разъединение замкнутых в себе индивидуальностей, непроницаемых друг для друга атомов, атомизирование всего бытия, включая и людей, есть продукт первородного греха. Грех и состоял в отрыве человека от Бога, в отъединении его от всего бытия, в замкнутости в себе самом. Это — разъединение — для человека, но не для Бога; в мире явлений, но не в основе. В результате греха огрубело сердце человека и потому, по слову пророка Исаии (6, 9-10), повторенном Христом (Мф. 13, 14-15), люди, „видя, не видят, и, слыша, не слышат и не понимают”. Они видят только внешнюю оболочку и не могут проникнуть за нее, к духовной сущности явлений. Внешняя же оболочка, данная в пространстве („внеположность”), раздроблена на множество индивидуальных явлений и производит иллюзию абсолютной разделенности вещей и людей. Потому и весь мир для греховного человека, раздроблен, атомизирован, полон разъединяющей вражды. Закон борьбы за существование стал в глазах такого человека основным законом бытия;

содружество, взаимопомощь и любовь в природе ушли из поля человеческого зрения. Свою греховную душу человек проецировал во внешний мир, в жизнь общественную и международную, объявив войну последним доводом в решении спорных вопросов, а мир — внешне принудительным сожигательством и сотрудничеством. „Любовь улетела с земли”, на ней остались внешняя сила и внешнее принуждение. Огрубевшие внешние чувства, „анализаторы”, были объявлены современной психологией — нормой восприятия. Нормой же было признано и восприятие только одной поверхности объектов: поверхность — непроникаемая граница нашего знания, которому недоступна сущность бытия. Все, что противоречит этому утверждению: художественные прозрения в глубину вещей; видение, по выражению ап. Петра (1. 3, 4; 2. 1, 19), свечения внутреннего сердца человека в его нетленной красоте, или по его другому выражению, — „свечения утренней звезды в сердцах людей”; случаи прозрения святыми людьми и нашими оптинскими старцами; все это было объявлено сказкой, ложью, неверным пониманием фактов. Но даже и в нашей повседневной жизни можно встречать факты „угадывания” мыслей, чувствований близких, любимых людей. Люди века сего отворачиваются от этих фактов, считая их случайными совпадениями, забывая при этом, что в мире нет случайностей. Правда, это — отдельные и редкие факты у отдельных людей, но они, а не раздельность, — норма, к которой мы должны стремиться путем излечения нашей греховной души. Эти факты объяснимы только при допущении соприкосновения человеческих душ на последней их глубине. Но если соприкосновение возможно там, то оно возможно и в верхних слоях, где человеческие души, как индивидуальности, кажутся несоединимыми.

Любовь соединяет людей. Ап. Павел неоднократно и настойчиво сопоставляет Церковь с семьей и браком. Цель брака — не только объединение „двух в плоть едину” (Еф. 5, 31), но и „единение духа в союзе мира”, так чтобы было „одно тело и один дух” (Еф. 4, 3-4). Это единение не дано в момент совершения таинства брака; оно — его конечная цель, которая достигается, по словам того же апостола „со всяким смиренномудрием и кротостью и долготерпением, снисходя друг к другу любовью” (Еф. 4, 2). Души любящая входят одна в другую. Но, чтобы ввести другого в свою душу, нужно прежде

всего преодолеть свою индивидуальную замкнутость, раскрыть свою душу, разбив замыкающие ее грани. Это — начало любви. Ее дальнейшая задача — преодоление своей самости, своей автономии, за которую так крепко держится греховный человек, смирение и преодоление своей гордости — основной черты греховной души человека. А так как это требуется и с той и с другой стороны, то вторая задача любви — терпеливое, снисходя любовью, перенесение препятствий к этому единению, источник которых — в трудности для любящих отказаться от своей самости. Нужны жертвы с той и другой стороны. Но жертвы должны состоять не в том, что любящий отказывается от своей мысли и воли и смиренно подчиняется мысли и воле другого. Нужно отказаться от абсолютности своих точек зрения и искать высшую, которая в своей полноте объединяла бы их.

Любовь есть сила, не только объединяющая, но она и поднимает любящих. Любви присуща идеализация, не в том смысле, что любящий видит в любимом не то, что в нем есть, а что хотел бы в нем видеть. Наоборот, любовь снимает с наших восприятий их ограниченность внешнею поверхностью и углубляет, давая возможность видеть „сокровенное сердце”, нетленную красоту Духа в любимом (1 Петр. 3, 4), сокровенную от внешнего взора, сокровенную даже для самого носителя красоты. Я узнает себя в Ты, поднимает „сокровенное” в свою сознательную жизнь и тем самым поднимает на новую высоту свое эмпирическое в повседневном опыте данное Я. Оно растет. Но и любящее Я стремится подняться до Ты. Растет и оно. Происходит взаимный обмен „красотой” друг в друге; любящие все теснее срастаются друг с другом.

Это внутреннее единение в любви членов Церкви есть вместе с тем и их единение со Христом, Главою Церкви; и это единение — длительный процесс, требующий усилий и жертв с их стороны, прежде всего отказа от самости. Недействительных членов Церкви не может быть. Вступивший в Церковь и успокоившийся есть отмирающий член тела Христова, засыхающая ветвь на лозе Христе. Она может засохнуть и отломиться. Жизнь каждого члена тела Христова должна состоять в непрерывном устремлении ко Христу и все большем и большем единении с Ним и остальными членами Его Тела через деятельную любовь и непрерывную помощь, подаваемую Церковью в таинствах.

Церковь едина не только как невидимое Тело Христово, но она едина и в своем внешнем воплощении и проникновении в мир. Нельзя отграничивать Церковь невидимую, Церковь святых и умерших от видимой, земной; и та и другая образуют единую Церковь, единое Тело Христово. Ап. Павел говорит, что христиане, вступая в Церковь, приступают к горе Сиону, ко Граду Бога Живого, к небесному Иерусалиму и тьмам ангелов, к торжествующему Собору и Церкви первенцев, написанных на небесах (Евр. 12, 22-23), т. е. Церковь объединяет в себе „живущих на земле, совершивших земной путь и еще не начавших этого пути, ¹⁾ еще неявленного творения Божия” (Хомяков, „О Церкви”). Входя в Храм, образ Дома Божия, Церкви Христовой, верующие видят перед собой лики Спасителя, Божией Матери, ангелов, святых; вступая в Храм, они вступают в общение с небожителями. За иконостасом, отделяющим ту часть Храма, которая предназначена для верующих, находится алтарь с престолом и горним местом: это — престол Божий и горние небесные пространства. На стенах алтаря изображены ангелы, ветхозаветные пророки и посреди, как бы над престолом, Богородица. Все небесное и земное слилось в один Дом Божий. Все богослужение в храме есть как бы общая молитва неба и земли, возносимая к Богу. Во время проскомидии на дискосе, как бы мировом круге, священник полагает в центре Агнца; с одной стороны Его — частицу в честь Богородицы, полагаемую со словами: „предста Царица одесную Тебе”, с другой — частица в честь Предтечи и сонма пророков; далее сонм апостолов, святителей, мучеников, преподобных, бессеребрянников, равноапостольных и всех святых. Внизу, у ног Агнца — частицы за живых, потом за умерших. Здесь отсутствуют только ангелы, так как на дискосе представлена та часть Церкви, которая была искуплена кровию Божией. Но и ангелы участвуют в литургийном служении: в Херувимской песне поется, что все стоящие в Храме, или Церкви, таинственно изображают собою херувимов, несут в триумфе Царя всех вместе с ангелами в мир преображенный, просветленный и покоренный под ноги Его. Во всяком церковном Богослужении в священных песнях верующими ярко переживается единство

¹⁾ Не в смысле предсуществования души, а в смысле включения в вечность всей полноты времени, всего космоса и всего человечества.

Церкви, в которой уже нет грани между небожителями и землею. Земля и небо не только соприкоснулись, но и объединились, слились так, как это должно быть по кончине мира, когда умершие воскреснут, живые изменятся и будут восхищены на облаках в сретение Господа (1 Кор. 15, 51, 52; Фил. 4, 16, 17). Деление Церкви на небесную и земную, видимую и невидимую, есть деление временное и относительное. Это деление обуславливается только нашею телесною оболочкою, еще не просветленною и не преображенною, еще закрывающею от нас небо и небожителей, как церковная завеса царских дверей закрывает от верующих небесные пространства у престола Божия. Но как завеса не всегда закрыта, при Богослужении она часто отдергивается и открывает престол и горнее место зрению верующих, так Церковь небесная не всегда невидима. Тело и Кровь Христовы, подлежащие в алтаре, выносятся и преподаются верующим. Те, у кого смягчилось теплом веры очерствевшее сердце, могут видеть небожителей в момент совершения Богослужения. Ученики преподобного Сергия видели сослужащего ему в литургии ангела; св. Серафим Саровский, будучи дьяконом, видел Самого Господа Иисуса Христа во время Богослужения литургии; при совершении службы св. Спиридоном Тримифунтским, когда в церкви не было никого сослужащих ему, ангелы пели вместо отсутствующего хора и причетников. Между Церковью небесной и земной, видимой и невидимой, не только нет разделения и преград, но они слиты одна с другой в одно целое. Умершие не перестают жить, не уходят в „потусторонний” мир, отделенный от „посюстороннего”, не переходят от борьбы к покою, не порывают связи с оставшимися на земле, не перестают беспокоиться за оставшихся близких. Церковь не просто почитает умерших святых, но считает их заступниками за нас перед Богом и непрерывно обращается к ним с просьбой о нашем спасении и наших повседневных нуждах.

Церковь едина. Земные ее члены образуют только очень небольшую часть сравнительно с небесными ее членами. Она живет одною общею жизнью всех своих членов; и жизнь ее состоит в том, что вечность входит во время, просвечивает сквозь него. Вечность раскрывается во времени и наполняет его содержанием, борется с сопротивлением конечного времени и образует Церковь воинствующую в отличие от торжествующей, уже побе-

дившей и поглотившей время. Едины и эти две Церкви (воинствующая и торжествующая), но едины не так, как земная и небесная.

С вхождением времени в вечность переродилась самая способность зрения христиан: они видят не просто настоящее, но через него — и прошлое, и все будущее до конца времен. Эта способность христианского прозрения особенно ярко проявилась у Иоанна Богослова в Евангелии, Посланиях и Откровении. Этою особенностью пронизаны все церковные службы православия, особенно литургия, и все церковное искусство: Иоанн Креститель есть вместе с тем и Предтеча Судии грядущего, он изображен во власянице, с кожаным поясом на чреслах, и в то же время с крыльями назади, как ангел. История ветхозаветная пророчесствует о пришествии Христа и последних днях мира. Взоры православного христианина устремлены к Иерусалиму небесному, который уже прозревается в настоящем, как его тень, как звезда, влекущая к свету из тьмы, как освещенный изнутри чертог жениха, к которому идут среди ночи настоящего приглашенные на брачный пир. В радостную пасхальную ночь, во время хода вокруг церкви ночью с зажженными свечами, верующие переживают в себе и учеников Христо-вых, спешащих ко гробу, чтобы удостовериться в правильности вести о воскресении Спасителя, и дев разумных, идущих со светильниками к брачному чертогу. Светящийся через окна изнутри храм, вокруг которого совершается крестный ход в пасхальную ночь, представляет собою и гроб, в котором ангел ждет учеников с радостной вестью, и брачный чертог. Затворенные двери храма, у которых останавливается крестный ход, — символ и камня на гробе Господнем, и запертых дверей чертога жениха. Раскрытие дверей, через которые верующие вступают в освещенный храм, — и вхождение во гроб и вступление в горний Иерусалим, в Церковь торжествующих. Время снято. Нет прошлого и будущего, есть только настоящее, обнимающее в себе и то, что было, и то, что будет. Все слилось: прошедшее, настоящее и будущее; все полно чаяния конца всемирной истории. Сквозь воинствующую Церковь видна взору христианина Церковь торжествующих — Горний Иерусалим. Это — единство, обусловленное подъятием и вхождением времени в вечность; это — единство не влоперечном, а продольном разрезе. Отсюда и различие этих Церквей — не

различие в настоящем, а различие Церкви, долженствующей победить по окончании всемирной истории, и Церкви, борющейся во времени. Иногда Церковь воинствующую отождествляют с земной и торжествующую с небесной. Но уже из единства земной и небесной Церкви — следует неверность этого отождествления. Есть древнерусская икона на тему „Церковь воинствующая“, на которой изображены вооруженные ангелы, святые и следующие за ними члены земной Церкви. Все идут в бой „против начальства, против властей, мироправителей тьмы века сего, против духа злобы поднебесной“ (Еф. 6, 12). Общий смысл иконы взят из 5-й главы послания к Фессалоникийцам, являющийся как бы ответом ап. Павла на вопрос Фессалоникийской Церкви „о временах и сроках“. Опираясь на слова Христа (Мф. 24, 43; Лук. 12, 39), он говорит о внезапности прихода дня, и, прозревая в свете настоящего зарождающегося дня христианства будущий день пришествия Христа и видя в настоящем тень будущего, внушает им быть готовыми к борьбе с врагами дела Христова. В этой грандиозной по замыслу иконе, где настоящее утро христианства слилось с зарею открывающегося будущего века, также слились бодрствующие и спящие, живые и умершие; все идет в бой, потому что „Бог определил нас не на гнев, но к получению спасения через Господа нашего Иисуса Христа“ (Фес. 5, 8, 9). В этой иконе воплотилась вера христиан в то, что ангельский мир и мир умерших образуют не особую торжествующую Церковь, а входят в Церковь воинствующую.

(Окончание в следующем номере)

Проф. И. П. Четвериков.

О РЕЛИГИОЗНОМ, БЕЗРЕЛИГИОЗНОМ И АНТИРЕЛИГИОЗНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Разделение на первые два вида творчества — общепотребительно, но мы сочли нужным учесть еще и третий его оттенок — анти-религиозный. Мы постараемся показать, что как-раз современности суждено было создать это направление. Кошунство личное бывало и рань-

ше, но кощунство как общий идеал — явление новое. То, что раньше было нападками извне, — то ныне стало внутренней, связанной с самой сутью творчества, опасностью.

Эти слова звучат, быть может, высокопарно. Но, если вспомнить завет Достоевского, что ничто другое, как „Красота мир спасет“, то невольно задумываешься и спросишь себя: что это значит? и где обещанная помощь? И если потом обратишься к современному творчеству за спасением, то растерянность, которую мы испытываем, пробудит сознание того, что вопрос касается последних глубин нашей жизни, что он, в конечном итоге, не эстетического, а религиозного порядка. В утверждении Достоевского звучат далекие отголоски учения Платона, приравнивавшего красоту — истине и истину — добру. И кого личный опыт созерцания красоты привел к вере в мир нетленной правды, тот не сможет уж больше смотреть на это проявление человеческой жизни как на забаву или как на источник лишь чувственного наслаждения.

Как художник, я в дальнейшем буду говорить главным образом об изобразительном искусстве, но заключения мои должны были бы быть применимы и к другим видам творчества, так как цветение и плодоношение всех их пропитаны одними и теми же соками. Только исходя из собственного опыта, можно избежать опасности пустых построений.

Нас окружает мир видимый, осязаемый, мир природы, исполненный неизреченной, я сказал бы, немой красоты. Немой, потому что все нас окружающее мы видим лишь извне; мы соприкасаемся лишь с его оболочкой и только внутри нас самих, в душе каждого человека, происходит таинственная встреча двух действительностей — видимой и невидимой. Заставить говорить немое — в этом задача творчества. Глубокие струны сердца, как эхо, отзываются на чувственные восприятия и, как эхо высылают обратные волны, преломленные в призме души. Происходит встреча морального закона внутри нас с физическими законами вне нас. Из видимости черпается материал, но он преобразуется согласно требованиям вопрошающего сознания. А вопросы эти искони были всегда те же: „откуда, куда, зачем, почему?“ Искусство не есть изображение действительности, а ее толкование.

Приходится отмечать случайное и выбирать из бесконечно многообразного — существенное. В самом моменте выбора уже кроется воля, творческий акт создающего. Этот акт не поддается анализу рассудка, но в свободе своего волепроявления, он носит характер служения истине. Его прозрения придают словами неизъяснимую стройность оболочке видимого мира и, восстанавливая таинственную связь телесного с духовным, превращают вещи и облики в символы, т. е. в образы совмещающие в себе два разных начала: бренное и вечное. То, что для простого глаза является набором случайных тел, красок и линий, то приобретает (в произведении искусства) вневременное значение. Творчество причастно божественному, т. к. вдыхает жизнь в неодушевленную материю. По всем этим признакам оно от религиозного созерцания неотделимый процесс и без любви и умиления не мыслимо. В духовном плане его главная предпосылка — искренность, а в материальном — овладение мастерством.

Но здесь необходимо оговориться. В вышесказанном мы имели в виду содержание творчества, а не его тему; это не одно и то же. Тема может быть возвышенная, а само произведение ничтожным. Не всякое искусство на религиозные темы совершенно, но всякое совершенное искусство религиозно, по существу своему и по тем предпосылкам, о которых речь была выше.

Однако следует избегать чрезмерных отвлеченностей, особенно когда не имеешь возможности представить зрительных примеров. Обратимся же к тому, что нам показывает история культуры. Культура — это память человечества и она протекает особыми, в себе замкнутыми циклами, повторяющимися в малом все развитие человечества в целом. Кто не причастен историческому умозрению, тот беспомощен в оценке и настоящего. История — основа культуры, как память — основа личности.

И вот мы видим, что позднейшее безрелигиозное творчество является лишь ничтожным отрезком в общем развитии искусства. С покон веков оно всегда было как бы излучением религии и почти исключительно посвящено было сакральному служению, даже уже начиная с живописи пещерного человека, свидетельствующей о начатках веры в бессмертие души.

На протяжении веков темы искусства оставались теми же; они посвящены были: прославлению и изображению божества и загробных тайн; человеку, как богопо-

добному герою и богоугодному существу; украшению храмов мотивами, взятыми из мира природы, и наконец человеческим „будням“, тому, что позднее принято было называть „жанром“. Последние два вида, как все мирское, первоначально носило характер *прикладного* искусства.

Какую б культуру мы ни взяли — Китай, Индия, Египет, Греция — повсюду то же явление. Действительность и ее изображение воспринимались как *символ* божественного и только тогда, когда символ начала смешивать с самим божеством, то подобия превратились в кумиры. По этому признаку идолопоклонничество не исчезло и до наших времен, оно, наоборот, росло и ширилось и расцвело в наши дни под знаком эстетизма, когда провозгласили „искусство для искусства“ и поклонились форме, как таковой, тщательно отделяя ее от глубинных источников вдохновения.

Говоря об античном мире необходимо остановиться на эллинской эпохе. Она проникнута чаяниями грядущего христианства, но без него обречена была на трагическую раздвоенность. Несмотря на возвышенные учения Сократа и Платона, несмотря на чарующую гармонию в изобразительном искусстве, она не находит примирения между двумя крайностями, ее характеризующими: в классической трагедии выступает весь ужас обреченности как человеческого, так и „божеского“ начала, равно подверженных слепому року; в ней вся безнадежность смерти и вся тоска по жизни, даже в потустороннем мире, где тени усопших алчут напиток крови. В противоположность всему этому мы видим небывалую идеализацию человеческого облика в ваятельном искусстве. Здесь, чтобы освободиться от кошмара брэнности, поколениями создавалась оболочка высшего телесного совершенства, и как бы на века вперед подготавливался наружный облик Богочеловека.

И вот, в эту благообразную оболочку эллинской красоты, мощное дыхание христианского откровения вдохнуло новую жизнь, спасшую ее от того вырождения, к которому она неудержимо стала клониться в римском культе обожествления кесаря. Как бы озаренная животворным лучом любви, бездушная греческая красота зарделась огнем самоцветных мозаик и из пустых зрачков истуканов — заблестели полные скорби глаза Спасителя или строгий взгляд Судии вселенной — Господа Пантократора. Греческая трагедия — в христианстве — слилась с

греческой пластикой; отвлеченный идеал — с действительностью, страдание — с его преодолением, смерть — с воскресением и обреченная плоть — с ее преображением в воскресшем Спасителе.

Поэтому то, это новое искусство испытало неимоверный расцвет, на целые столетия вперед. Вместе с христианством новые формы преображенной действительности распространились с Востока на Запад и в византийско-романском стиле, долго выражалась общность первых столетий новой эры. Приблизительно в это время, в эту фазу утонченного византийского искусства, приобщилась эллино-христианскому духу и Русь. Это было не случайно, что то родственное влекло ее именно туда и на этом роскошном фундаменте она воздвигла маковки своих церквей, подобные зажженным свечам. И не раз в течение последующих столетий она возвращалась к греческой традиции — нагляднее всего в лице славного своего иконописца Андрея Рублева.

До порога 18 века Русь, в своем искусстве, пребывала в созерцании евангельской и библейской правды. Высший закон естества — во Христе преображенной плоти — упразднил прежние каноны классического натурализма, но установил новые, не менее строгие, не менее последовательные. Этот вид творчества подобен отблеску потустороннего и сейчас наша древняя иконопись представляется нам как некое благодатное чудо. Через нее именно нам, русским, дано почувствовать, что представляет собой настоящее религиозное творчество, так как живая связь с иконой не прекращалась и до нашего поколения. Не она ли, икона, как бы за руку вела каждого из нас от колыбели до могилы, представляя телесному и духовному оку нашему крестный путь Спасителя и Его победу над смертью, боговдохновенное житие праведников и сияние их мученического венца, заступничество Пресвятой Богоматери и радость всей твари о Ней?

На рубеже Петровской эпохи дух старинной набожности начал покидать Россию. Строгость стала исчезать и дала место вычурной узорчатости. Утеряны были простота и величие. Многому новому научились после реформы, а то, что лучше всего умели, тому разучились безвозвратно. Впервые начало появляться безрелигиозное, мирское искусство. Сказалось и в этом сильное влияние Запада; поэтому обратимся к нему, раньше чем говорить о русской современности.

Если византийский восток шел по пути преобразования плоти, то Запад очень скоро начал клониться в сторону очеловечения божественного. Поэтому в центре искусства стала человеческая личность, с ее психологией, причем психологичность вкладывалась в изображаемого человека (портрет), а также проявлялась в индивидуалистическом подходе самого автора к любой задаче. Смирность перед освященными традицией канонами уступила место самоутверждению индивидуальности мастера. Наряду с этим шла секуляризация, поощряемая нуждами светской роскоши. Параллельно развитию науки внешний мир превратился в предмет наблюдения и изображения, оторванный от совокупности религиозных подходов. Даже вещи сами по себе стали темой художественного творчества. То, что раньше составляло единое целое, начало распадаться на составные части. В бурном, опьянительном цветении эпохи Возрождения все эти зачатки упадка уже налицо, но творчество еще связано, хотя бы посредством тем своих, с великими тайнами религии; отсюда его немеркнущее очарование. Но скоро искания начинают становиться все более поверхностными. Проникновенность западного средневековья и восторги эпохи Возрождения уступают место широко вещательной виртуозности или холодному академизму. Нисколько не умаляя достижений великих мастеров Запада, все же приходится отметить, что по мере самоутверждения личности, иссякают религиозные истоки творчества, она становится равнодушна к той связи с Вечным, которая дает слову религия его смысл (*religio* — связь). Время, мгновение начинают приобретать первенствующее значение. Мимолетное впечатление (импрессия, импрессионизм) вытесняет неизбывное и предвечное. Новизна, мода льстят желанию мастера во что бы то ни стало похвастаться личной своей оригинальностью: с одной стороны традиция превращается в мертвящее подражание образцам, с другой „передовое” крыло одаренных художников охвачено анархическим отрывом от всех и всего. И, наконец, в футуризме, кубизме, экспрессионизме и других подобных веяниях наступает полное разложение облика человека и природы; как бы предвосхищая грядущий кризис, „образ и подобие” раздирается на части силой некоего жуткого взрыва. Все это было последствием безрелигиозного подхода к творчеству.

И вот в этой стадии всеобщего хаоса начинает заро-

ждаться антирелигиозное искусство наших дней. Оно вновь пытается воссоединить разрушенное, но не под знаком Любви, а силой сознательной вражды к миру гармонии и добра. Оно черпает свое вдохновение из демонических глубин бреда, сна, угара, страстей и обольщений сумасшествия. Оно вновь ставит требование строгой формы, но свой новый мир оно строит из элементов, скрепленных между собой не славословием естественной красоте, а надруганием над ней. Это течение называют „сюрреализмом”. Ко времени его возникновения Россия (Советская) уже перестала идти в ногу с Западом и мы сейчас вкратце проследим каковы были судьбы влияния Европы на русское творчество.

Мы уже видели, как в начале 18 века Россия увлеклась западно-европейскими художественными образцами. С неимоверной быстротой она научилась им подражать и даже создавать произведения высокого уровня. Сперва это было, главным образом, придворное искусство. Но и это продолжалось не долго и скоро заговорила тоска по утерянному откровению и большинство отвернулись от светской суеты и мишуры. Обратились через „жанр” к социальным мотивам, к проповеди. Впоследствии через родной ландшафт и через романтику „обретенного” подошли к символическому искусству и наконец к народному творчеству. А в последние годы до революции произошло знаменательное открытие древней нашей иконописи.

Но приблизительно в это же время в Россию ворвались и смутили умы западно-европейские направления, разрушающие человеческий облик. Сперва им покровительствовала надвигающаяся Революция. Ход развития русского художественного творчества был прерван, раньше чем он успел дать зрелые плоды. Когда же советская власть перешла в фазу „строительства”, она объявила войну „буржуазному вырождению” в искусстве. Сейчас требуют от художника так наз. „обще-понятное” настроение, вещающее массам о достижениях социалистического отечества и его прославляющее. Но все, что у них называется „символизмом” и под которым не без основания чувствуют связь с миром вечных ценностей, по прежнему преследуется. Творчество в Сов. России — раб государства. Ограничение и снижение его полета до тесных и чуждых ему потребностей злободневной целесообразности, неминуемо будет ощущаться творческими как кошунственное, по меньшей же мере суетное занятие. А Пушкин сказал:

„Служенье муз не терпит суеты —
Прекрасное должно быть величаво“.

Нужно признать, что Советская Россия не участвует в западно-европейском уклоне в сторону анти-религиозного искусства (несмотря на кощунственные выпады в других областях). Это можно объяснить тем, что она требует веры и признания для советской действительности. Но ее поощрение творчества, урезанного от доступа к священным его истокам, не может привести к расцвету, несмотря ни на награды, ни на запугивания, и даже несмотря на то, что она требует от него положительных подходов и старается побороть дух отрицания и уныния.

Мы видели: творчество связано глубинными корнями своими с миром вечных ценностей. Как воплощение оно причастно двум началам — духовному и материальному. Дух есть то, *что*, а материя то, *как* воплощается. Эти два начала неразделимы. Мы проследили их разобщение друг от друга в начале нашего времени и видели, как это привело к безрелигиозному, а позднее — и к анти-религиозному творчеству. Последнее (особенно в изобразительном искусстве) пытается сейчас их вновь воссоединить и борется с анархией без-религиозного индивидуализма во имя сплоченного анти-религиозного фронта. Однако, без любви нет творчества. И если нельзя отказать современному искусству в своеобразной вере в по-стороннее и в надежде на сомнительное будущее, то все же любовь к вечной истине здесь подменена злобой дня (в двойном смысле слова).

Здесь закрывается творчеству доступ к его предвечному назначению. Оно ведь не ищет изображения действительности, а ее толкование в свете любви ко всему Божьему миру — видимому и невидимому.

Поэт сказал:

„Чему бы жизнь нас ни учила,
„Но сердце верит в чудеса.
„Есть нескудеющая сила,
„Есть и нетленная краса!“

(Тютчев).

„Нетленная краса“ — это именно та, которая „спасет“ мир. Все виды истинного творчества служат именно ей. Как ценность нематериальная — она причастна духу. Если дух, вдохновляющий ее, от Бога — возникает религи-

озное творчество. Если он отрывается от христианского откровения Любви, то возникает тлетворное посягательство на человека и подобие Божие в нем.

Г. Г.

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И РЕВОЛЮЦИЯ¹⁾

Славянофилы и Достоевский называли русский народ „народом богоносцем“. Тютчев надеялся, что Россия спасет Запад от революции и даже отлученный от церкви Толстой считал, что русский народ воспитан монастырем.

Как же понять, что народ богоносец восстал на Бога и защитник Европы от атеистического просвещения превратился в вождя мировой атеистической революции. Из этих недоумений возникает вопрос: не объясняется ли облик и размах большевизма некоторыми особенностями исторического православия. Уйти от этого вопроса нельзя: он волнует мысль и тревожит совесть.

В связи со всем случившимся русская мысль (Шнет, Федотов) как то по новому задумалась над давно известным фактом, что Россия приняла христианство не на латинском, а на древне-славянском языке. Этот, как будто бы незначительный факт, очень существенно определил собой отношение церкви к культуре. Латынь была на западе, как говорит Федотов, „золотым ключом“, отпиравшим как врата церкви, так и двери библиотек, в которых хранилась вся древняя, языческая мудрость. Наш же славянский язык открывал лишь храмы, но не библиотеки, страницы Евангелия, но не страницы Вергилия.

С одной стороны это было углублением нашей духовной жизни, ее сосредоточиванием на евангельской истине, но с другой — такое положение вещей создавало некоторую незащитность православия перед лицом светского разума. В борьбе с нападками язычества на церковь на Западе, да и в Византии уже с раннего средне-

¹⁾ В докладе идет речь лишь об исторических обликах Церкви; церкви мистической, незримой церкви, как тела Христова, я не касаюсь.

Прим. ред.: Настоящая статья печатается в порядке дискуссии.

вековья начали выростать догматика, апологетика, нравственное богословие и даже христианская социология. В „золотом” же Киеве двенадцатого столетия всего этого не было. Там лишь сияли храмовые мозаики, молились монахи и трудились летописцы. Киевская православная Русь жила *исповеданием образа Христа, но не схоластическими учениями.*

Тот же самый дух и стиль церковной жизни продолжался и после свержения татарского ига в вольном Новгороде. Здесь выростали замечательные по своей архитектуре храмы, расцветала иконопись и сложился особый стиль северной святости. Но все это и тут пребывало скорее *образом истины, чем учением об истине, скорее жизнью в Боге-Слове, чем богословием.* По сравнению с Западом русская церковь продолжала немотствовать. Эти ее черты были с полной определенностью впервые осознаны основателями русской религиозной философии Киреевским и Хомяковым. Для них церковь — не учение, не богословская система, а жизнь, изживаемая как единство истины и любви.

Думаю, что только при таком подходе к душе православия становится понятной типично-русская трагедия староверчества: не как настойчивые схоласты, судорожно цепляющиеся за мертвую букву шли на смерть приверженцы Аввакума, а как исповедники извечно-живого в древнем богослужбном чине образа Христа.

Пока православная церковь твердо стояла в государстве, а государство — в церкви, пока народ ощущал государство и церковь живым двуединством, такое положение вещей не грозило большими опасностями. Но с воцарением Петра все радикально изменилось. Уничтожив патриаршество и подчинив церковь прокурору Святейшего Синода, Петр превратил церковь в прислужницу своей поверхностно-европеизированной, но по духу быть может более деспотической, чем Московское царство империи.

С утверждением Святейшего Синода в России устанавливается тот внешний „цезаре-папизм”, которому Соловьев в эпоху своей борьбы за внешнее, юрисдикционное объединение церквей придавал, быть может, слишком глубокое значение. До 1901-го года члены Синода

при вступлении на должность приносили, как известно, установленную при Петре присягу, в которой „Всемиловейший Государь” провозглашался „крайним судьей Духовной сей Коллегии”. Такая присяга в корне меняла положение духовенства. „С Петровской реформы”, пишет Флоровский, „духовенство становится запуганным сословием”. Лучшие уходят „во внутреннюю пустыню своего сердца”. В дальнейшем русское церковное сознание долгое время развивается под двойным влиянием: „административным приказом и внутренним испугом” (Флоровский) мистическим молчанием и верноподданническим поддакиванием.

Несмотря на такой урон церковного авторитета, реформа Петра принимается как духовенством, так и верующим народом, гораздо спокойнее и покорнее, чем Никонское исправление богослужебных книг. Думается, что причину этого явления нельзя искать в церковной нетвердости и гражданской немужественности нашего духовенства. Объясняется эта податливость прежде всего тем, что реформа Петра не изменяла богослужебного чина, не нарушала внутрицерковного образа Христа. Менялось лишь положение церкви в государстве и культуре. Конечно и против такого изменения должна была бы подняться борьба, но для такой борьбы русской Церкви не хватало разработанного учения о природе и границах государства, об его отношении к Церкви, о задачах и возможностях христианской культуры, о сущности христианской общности и собственности.

Наибольший ущерб России нанесло, как мне кажется, то, что русская православная церковь не претворила в себе, не освоила *собственными* усилиями то, по существу античное (стоическое) учение о естественном праве, о котором в своем послании к римлянам говорит Апостол Павел: „ибо когда язычники не имеющие закона *по природе* законное делают..., то они показывают, что дело закона написано у них в сердцах”.

Как известно, учение о естественном, начертанном в сердцах, в сердечном разуме — праве, было впоследствии освоено церковью; оно встречается у Юстиниана, Ириней и в школе александрийского богословия. Интересно, что уже Ориген протестует против запрещения христианских собраний и принуждения к поклонению идолам, ссылаясь на „естественные права” человека. На почве, как бы принявшего крещение, естественного права выростает в

дальнейшем христианский гуманизм западной Европы, с его защитой неотъемлемых прав человека и гражданина: свободы совести, вероисповедания, слова и собраний.

С естественным правом связана и социальная философия Отцов Церкви, их отношение к власти и собственности. Как государственный институт, они бесспорно защищают частную собственность, но лишь с оговоркою, что неотъемлемой, ненарушимой и даже священной она стала лишь после грехопадения человека, а с ним и всего мира; изначально мир был Господом Богом предоставлен в пользование всему человечеству, без расчленения вселенной на части, без раздачи ее по отдельным людям. В этом учении заключается живой корень христианского социализма.

„Где безраздельно господствуют холодные начала твоего и моего, поучает Иоанн Златоуст, там сейчас же возникают ссоры и раздоры, в то время, как при общей собственности не получается никаких недоразумений..., но мы неисправимы”. То же самое читаем и у св. Амвросия, упрекающего богатых в том, что они неустанно стяжают богатства, забывая о том, что Бог создал человека нагим.

В истории синодальной церкви 19-го века громадную роль сыграло то, что весь этот строй мыслей и чувств почти целиком выпал из ее сознания, а быть может даже и сердца. Иной раз защищая человека перед Богом, наша церковь этого периода никогда не защищала гражданина перед царем, ограничивая свою связь с революцией, в которой все же была своя правда, лишь посещением в тюрьмах приговоренных к смертной казни революционеров.

Такое положение вещей, естественно, отталкивало от церкви, как русскую интеллигенцию с ее обостренную социальную совестью, так и крестьянство. Характерно, что просветенски-социалистическое движение началось в духовных семинариях. Чернышевский и Добролюбов были сыновьями священников.

Глубоко повинный в развернувшихся революционных событиях атеизм русской интеллигенции был бесспорно порожден малою чувствительностью дореволюционной синодальной церкви к социальной теме христианства, столь живой, как было указано, уже у Иоанна Златоуста и столь существенной еще для Хомякова: „В судах черна (Россия) неправдой черной и игом рабства клеймена”.

Но оторвавшись от христианской истины и православной церкви, русская интеллигенция отнюдь не оторвалась от всякой веры, т. е. от веры, как таковой. Полный отрыв от всякой веры был в России невозможен, так как ею не были пережиты те ступени развития, которые взрастили индифферентное к религии атеистическое сознание Запада. Не пережив в народных недрах Возрождения, Реформации и Просвещения, Россия в глубине своего сознания оставалась, по крайней мере, до середины 19-го века как бы верующим *средневековьем*, в котором утрата христианской веры не могла не породить лжеверия. Таким лжеверием и является ленинский большевизм с его подменой учения о Москве, как о третьем Риме, учением о ней, как о столице третьего интернационала, с его безбожным и все же религиозным исступлением, с его мессианскими притязаниями и вселенскими масштабами, с его антидемократическим, иерархическим строем „Великого инквизитора”.

О том, что большевизму, сколько десятков лет он бы не существовал, не разрешить социального вопроса, между русскими людьми не может быть спора. Для правильного разрешения вопроса человеческого общежития необходимо правильное разрешение вопроса о человеке. На основе ложной антропологии нельзя построить правильной социологии. Антропология же большевизма в корне ложна, потому что она не видит религиозного корня человека: его богоподобия. Отрицание христологического понимания человека означает не только отрицание Бога, но и отрицание человека; на отрицании же человека нельзя построить человеческого общества.

Как не самоочевидны эти, уже неоднократно высказывавшиеся положения, они для борьбы с большевизмом все же недостаточны. На путях полного отрицания большевизма большевизм непреодолим. Его реакционной, материалистической лжи должна быть противопоставлена живая истина пореволюционного православия. От дореволюционного, официально-синодального православия, пореволюционная церковь должна отличаться углублением своего участия в культурном творчестве, обострением своей социальной совести и своего интереса к политической жизни страны. Не надо, конечно, введение политики в церковь, но необходима забота независимой от политических партий и мнений церкви о политической жизни страны. Если в мире, лежащем во зле, и невоз-

Можна христианская политика в смысле полного осуществления нагорной проповеди, то в нем все же возможна политика христиан, борьба за освобождение мира из под власти зла. Защита такой точки зрения не представляет собою никакого новшества. Хомяков, Киреевский, Аксаковы, Владимир Соловьев, Достоевский, Федоров, братья Трубецкие, Булгаков, Бердяев и многие другие стояли на такой же точке зрения. Для переживаемой нами и идущей на смену новой эпохи мало, говоря словами Владимира Соловьева, храмового и домового православия, необходимо, чтобы в храме и доме веял вселенский дух, необходимо вселенское христианство. Будь это дыхание живо в нашей дореволюционной церкви, Достоевский никогда не мог бы сказать, что она „лежит в параличе“. На путях осуществления своей вселенской задачи русская православная церковь должна будет встретиться с церквями других вероисповеданий, которым она может многое дать: евхаристическую питательность литургии, трезвенность православной мистики, единственную, по своей красоте, преображенную плоть православного богослужения, заветы восточных отцов, — но у которых она может и многому поучиться, быть может и низшей, но в нашу эпоху особенно важной сфере христианской ответственности за государственную и общественную жизнь.

Федор Стетун.

ЦЕРКОВНАЯ ХРОНИКА

ИЗБРАНИЕ НОВОГО ВСЕЛЕНСКОГО ПАТРИАРХА

Святейший Патриарх Максим ушел, вследствие болезни, на покой и 1-го ноября с. г. каноническим голосованием преосвященных Митрополит Афинагор был избран Вселенским Патриархом. До сего времени Митрополит Афинагор был главою всех православных греков в Америке.

ЭКУМЕНИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В АМСТЕРДАМЕ

С 22-го августа по 4-е сентября этого года в Амстердаме состоялась первая мировая конференция „Всемирного Совета Церквей“. Этим закончился организационный период в истории экуменического Движения. Принятый на конференции устав определяет план работы Экуменического Движения на ближайшее будущее.

В конференции приняло участие 1400 человек: представители от 148 церквей из 42 стран, представители различных организаций цер-

ковной молодежи, специалисты-богословы и, наконец, приглашенные „гости“. Председательствовали по очереди: Архиеп. Кентеберийский, Митроп. Герман Фиатирский, шведский архиеп. Эйдем, Джон Мотт (известный американский христианский деятель) и глава французского протестантизма — пастор М. Бергер.

Православная Церковь была представлена делегациями Вселенского Патриарха, среди которых находились и делегаты от Западно-Европейского Православного русского Экзархата, Элладской Церкви и зарубежных румынских епархий.

Греки прислали на конференцию пять митрополитов, трех архимандритов и шесть профессоров-богословов. Западно-Европ. Прав. Экзархат — епископа Кассиана, проф. прот. Г. Флоровского и проф. Л. А. Зандера и румынские зарубежные церкви — трех священников.

31-го августа в старой лютеранской церкви митрополитом Германом была отслужена литургия в сослужении митроп. Пантелеймона, епископа Кассиана и всего православного духовенства. Пел хор студентов Парижского Богословского Института.

Помимо общей темы конференции: „Человеческий беспорядок и Божий замысел“, особый интерес был проявлен к темам, разрабатываемым в особых секциях: „Богословское учение о Церкви“ и „Отношение Церкви к современному международному и социальному положению“. Чисто богословскую работу конференции, в которой с православной стороны большое участие принимал о. Г. Флоровский, следует признать в общем успешной. Ценным выводом является сознание, что единственным путем к настоящему единству Церквей является искание не компромисса, а подлинного догматического единомыслия.

В конечной резолюции, принятой конференцией, говорится, что „Церковь должна стремиться сопротивляться всякой системе, которая не только имеет в себе элементы насилия, но и исключает способы, которыми бы жертвы насилия могли критиковать ее... Отвергая коммунизм и коммунистические методы, а также и крайности капитализма, христиане призывают к исканию „новых творческих решений“.

В послании ко „всем находящимся во Христе“ между прочим говорится: „не во власти человеческой уничтожить грехи и смерть на земле, воссоздать единство Святой и Соборной Церкви, победить воинства сатаны. Но это во власти Божией. Он даровал нам на Пасху уверенность, что Его воля будет исполнена“.

Какова бы ни была дальнейшая судьба Экуменического Движения и те подчас очень большие трудности, с которыми связано участие в нем Православной Церкви, одно то, что в нашем разделенном мире столько людей захотели собраться и вместе действовать во имя Христова, — есть уже великая ценность, за которую надо благодарить Бога

„Церк. Вест.“

МОСКОВСКОЕ СОВЕЩАНИЕ

В Москве издан специальный номер журнала „Московской Патриархии“, посвященный празднованию 500-летия автокефалии Русской Церкви. Его содержание снова подчеркивает полную зависимость Московской Патриархии от Советского правительства.

Юбилейное собрание открылось речью Патр. Алексия, в которой он подчеркнул верность Церкви „отщепенным“ началом строгого охранения православия.

Представитель Советской власти Карпов говорил о свободе цер-

кви в подсоветских странах, подчеркивая, что только в СССР церковь не стесняется государством (!!).

Была послана телеграмма Сталину.

Осуждается Ватикан за превращение Католической церкви в политическую (фашистскую) организацию, принимающую деятельное участие в подготовке войны против „демократии“.

Высказано было также отрицательное отношение к экуменическому движению. „Всемирный Совет Церквей“ обвиняется в желании создать „Экуменическую церковь“ с чисто земными, политическими задачами.

Признано невозможным признать англиканское священство, ввиду резкого отличия „39 членов“ Англиканского вероучения от Православного.

Разрешается по желанию пользоваться новым или старым стилем календаря. Празднование же Пасхи должно быть одновременное, согласно Александрийской, ныне действующей Пасхалии.

Представители Константинопольской и Греческой Церквей присутствовали на юбилейном торжестве, но от участия в совещании уклонились.

Юбилейный номер журнала „Московской Патриархии“ в целом производит на читателя тягостное впечатление. Во всем просвечивают оковы страждущей Церкви Русской и полная ее зависимость от советской власти.

„Церк. Вест.“

НОВАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ АКАДЕМИЯ

22-го октября с. г. в Нью-Йорке состоялось торжественное открытие св. Владимирской Православной Духовной Академии. Ректором ее состоит митрополит Феофил, деканом епископ Иоанн (Шаховской). Эта вторая зарубежная Академия имеет возможность стать большим явлением в жизни Православной Америки.

4-го ноября в помещении Академии был отслужен молебен перед началом занятий, на котором кроме персонала Академии и студентов присутствовали и представители американского богословия. Академия получает помощь и научное сотрудничество Колумбийского университета.

ИЗ ЖИЗНИ ПРАВОСЛАВНЫХ В АВСТРАЛИИ

В середине ноября в Австралию прибыл преосвященный епископ Феодор, назначенный Синодом возглавить православную Церковь в Австралии. Владыка с большой любовью был встречен православной колонией Сиднея, где после торжественного богослужения, в его честь была устроена „чашка чая“, собравшая более 300 участников. Приятно отметить, что в приеме епископа Феодора деятельное участие приняли англикане, подчеркивая, что в его лице они приветствуют первого православного епископа в Австралии. Зная как Владыка любит молодежь и как близкого сердцу идеи нашего Движения о воцерковлении жизни, мы от всей души приветствуем этого подлинно благостного архипастыря и желаем ему помощи Божией на новой ниве церковного служения.

„З О И“

Православное братство „Зои“ в Греции все шире развивает свою исключительно самоотверженную и плодотворную деятельность. В 1947-48 г. под его руководством на острове Кипре было открыто 920 воскресных школ вместо 622 бывших в предыдущем году.

„Зои“ (по гречески — „Жизнь“) — это православное миссионерское апостольское братство. Его членами могут быть только безбрачные мужчины. Члены братства не дают обета безбрачия, но если бы кто пожелал свою жизнь связать браком, должен просто выйти из числа членов братства. В состав членов входят и клирики и миряне, много богословов и студентов. „Зои“ существует уже около 40 лет и жизнью выдвинулась на самые передовые позиции борьбы за веру Христову. Не будучи канонической единицей, братство зарегистрировано как частное общество, но никогда не мыслило себя и не ставило вне Церкви; оно поднимало всю тяжесть борьбы за чистоту Церкви в самых ее недрах.

Братство имеет типографию и издательство. Под руководством „Зои“ воспитывается молодежь, по всей Греции открыты воскресные, церковные школы для детей и издана специальная литература.

„Зои“ имеет свой внутренний, неписанный устав. При братстве много молодежи, проходящей „искус“; из них много студентов, отдавших себя на служение Христу и Церкви, борющихся за Православную культуру.

ЖИЗНЬ ДВИЖЕНИЯ

Возникновение Р. С. Х. Д. в Германии.

При национал-социалистическом режиме в Германии, вплоть до конца 2-й мировой войны, открытая работа РСХ-Движения была немислима. Однако, отдельные члены Движения оставались на своем посту, в меру сил и возможностей, творя то христианское дело, которое не требует организации и внешних форм.

К концу войны эта индивидуальная деятельность членов Движения в Германии значительно усилилась. Путем депортации, вместе с рабочими с Востока, в Германию прибыли члены Движения из Прибалтики, Чехии, России и из других стран. Хотя и в тяжелых условиях рабочих лагерей, но состоялась долгожданная „встреча с Россией“, и началась сев христианства в души русской молодежи, приехавшей на Запад из богоборческой России. К воспоминаниям об этой „встрече“ и о работе членов Движения в России мы будем еще неоднократно возвращаться, сейчас же скажем только, что почва для сева оказалась чрезвычайно плодотворной и, нередко, „сеятелям“ приходилось учиться у „почвы“ подлинной жизни духа.

Отгремели последние раскаты военных канонад. Уехали добровольно или вывезены принудительно те, кому суждено было вернуться на Родину, нередко, быть может, увозя в сердцах семена нового христианского сева. Оставшиеся, гнетомые страхом принудительных ре-

патриархий, концентрировались в лагерях Ди-Пи или прятались на частных квартирах. И в этих условиях продолжалась деятельность членов Движения, выражавшаяся в индивидуальной христианизации, помощи в организации церковной жизни, религиозно-педагогической и социальной работе. Однако, три года должны были пройти, прежде чем многократные попытки дать жизни Движения организованный характер увенчались успехом. Религиозно-педагогическая встреча летом 1946-го года, многократные встречи, конференции и совещания действительных членов РСХД, налаживание связи с центром в Париже были этапами к большому летнему съезду православной молодежи в 1948 году, собравшему до сотни участников и положившему прочное начало организации отдела Движения в Германии. Начиная с этого съезда, работа Движения, руководимая советом и деловым комитетом, избранным съездом из среды студенческой молодежи, идет по определенному плану, медленно, но уверенно, расширяясь и углубляясь. Оба правящих Архиепископа, Высокопреосвященнейшие Митрополит Анастасий и Митрополит Серафим преподали Движению свое благословение.

Восстановление нашего ежемесячника — маленький, но существенный очередной успех на пути нашего православного делания.

Осенний съезд Р. С. Х. Д. в Париже.

2 и 3 октября под Парижем состоялся осенний съезд Русского Студенческого Христианского Движения. Он привлек большое количество молодежи, причем почти половина ее в первый раз принимала участие в работе Движения.

Темы съезда были доступны по своему содержанию каждому и имели чисто религиозный характер. Прот. В. Зеньковский говорил о Христе в жизни человека, студент-богослов из Сирии Г. Ходр прочел доклад „О святости“, И. В. Морозов, секретарь Движения во Франции, познакомил новую молодежь с идеологией и целями РСХД, особенно настаивая на том, что Движение не имеет других целей, как привлечение молодежи к жизни в Церкви. Оно хочет показать молодежи, что нет другого пути христианской жизни, как путь церковный, через живяние в Церковь и воцерковление жизни.

Основная работа съезда проходила в обсуждении докладов и, если для одних слова лекторов остались только словами, другие слышали в них то, что приняли, как единственную руководящую реальность своей жизни.

Приезд о. Василия Зеньковского в Германию.

Во второй половине января 1949 года (числа 18-20) ожидается приезд в Германию из Парижа председателя Р. С. Х. Д. профессора Протоерея о. Василия Зеньковского. О. Василий надеется провести в Германии около 10 дней. В связи с его приездом намечается съезд членов Р. С. Х. Д., а также ряд публичных выступлений гостя перед русскими и иностранными аудиториями.

К ДРУЗЬЯМ-ЧИТАТЕЛЯМ

Дорогие друзья,

Настоящий номер Вестника вышел благодаря личной жертвенности движенцев. Наше молодое движение в Германии еще не обладает средствами, которые оно может ассигновать на издание Вестника. — Благодаря этому мы убедительно просим всех наших друзей, кому желательна, чтобы Вестник выходил регулярно, спешно внести годовую подписную плату, привлечь новых подписчиков и выписывать известное количество номеров для розничной продажи.

Помните! Мы начали издание Вестника без копейки денег и его дальнейшее издание зависит от количества подписчиков.

Подписная плата на год в Европе — 16 герм. марок (500 франц. фр. — 100 бельг. фр.). Вне Европы — 4 амер. доллара.

Цена отдельного номера 1.50 нем. марок.

Благодаря тому, что перевод денег из-за границы в Германию затруднен, в следующем номере будут указаны адреса наших представителей в Европе и Америке, уполномоченных принимать подписную плату.

По всем вопросам, связанным с Вестником, подлежит адресоваться:

*Pfarrer A. Kisseleff
München 27, Mauerkircherstr. 5
Germany — US Zone.*

По этому же адресу надлежит направлять и подписную плату.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН И ИЗДАТЕЛЬСТВО

„МИЛОСЕРДНЫЙ САМАРЯНИН”

(сущ. с 1945 г.)

Кроме книг нашего издания на складе имеются и все, вышедшие в западных Зонах Германии книги, — книги богослужебные, литература религиозно-нравственная и философская, жития святых, учебники, иностранные языки, детская литература, книги по педагогике, светская литература, иконы, крестики, ноты.

Книги высылаются по почте наложенным платежом или по получении их стоимости + 10 % стоимости заказа, на упаковку и пересылку.

За-границу книги высылаются по получении стоимости заказа, который может быть оплачен и международными почтовыми купонами из расчета 1 купон = 30 пфен.

Книги нашего издания, Св. Евангелие и крестики высылаются неимущим бесплатно.

ПОСЛЕДНИЕ НОВИНКИ

Акафист Господу Иисусу Христу Грядущему	2,00 мк.
Епископ Иоанн (Шаховской) — О совести	0,30
” ” ” — Бытие определяет сознание	0,75
А. Николаевский — Великий Пастырь земли Русской (об о. Иоанне Кронштадтском)	3,00
К. Юрьева — Рассказы сестры милосердия, Вып. 1	1,50
” ” ” ” ” ” Вып. 2	0,65
Справочник по математике, часть 1	3,00
Ватан — Русско-английский разговорник (254 стр.)	3,60
Юнкерс — Немецко-русский и Русско-немецкий словарь (660 стр.)	8,00

Требуйте наш каталог № 11 по адресу:

**BARMHERZIGER SAMARITER
BÜCHER-VERTRIEB
München 27, Mauerkircherstr. 5**

СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЕМ
ДРУЗЕЙ И ЗНАКОМЫХ

С

ПРАЗДНИКОМ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Общество Русских Зарубежных Юристов-Эмигрантов Председатель <i>К. Н. Николаев</i>	Представитель Российской эмиграции в Америк. зоне Германии <i>С. В. Юрьев</i>
<i>П. Скаржинский</i>	Председатель братства св. Георгия <i>Е. Артюк</i>
<i>В. Мелешкевич</i>	<i>Ирина Ларионова</i>
Ген.-лейт. <i>П. В. Глазенап</i> Председатель союза Андреевского Флага	Prof. Dr. Med. Max Lebsche
<i>N. Varun</i>	<i>Н. Юрканский</i>
Прот. <i>Георгий Граббе</i>	<i>Владимир Шютц</i>

	<p>Иоанн Дейницин</p>
<p>Н. Ф. Фабрициус</p>	<p>Проф. Др. Мед. П. Раевский</p>
<p>Книжный магазин и издательство <i>Милосердный Самарянин</i> поздравляет своих клиентов!</p>	
<p>Свящ. Феодор Михалюк</p>	<p>Архимандрит Аверкий</p>
<p><i>Юрий Соловьев</i></p>	<p>Игумен Георгий</p>
<p>Мюнхенск. отделение Н.Т.С.</p>	<p>Joseph Noia U. S. Zone Dir. World's Y.M.C.A. - Y.W.C.A.</p>

<p>Морское объединение в зап. зонах Германии</p>	<p>Л. В. Сердаковский</p>
<p><i>George Orda</i></p>	<p>А. Зеленой World's Y.M.C.A. - Y.W.C.A.</p>
<p>А. и Е. Бергманис</p>	<p>Мироновы и Богдановы</p>
<p>Союз Русских Военных Инвалидов 1-ой Мировой Войны <i>А. Черепов</i></p>	<p>А. В. П. World's Y.M.C.A. - Y.W.C.A. Warehouse manager</p>
<p><i>Коньков</i></p>	<p>Др. Николай Стулов</p>
<p>Dr. Boris Borotinsky</p>	<p>Сестра Александра Иовина</p>
<p>Председатель Правления Русского эмигрантского объединения в Баварии <i>Н. А. Цуриков</i></p>	

Сестра Ирина Замятина	С. Н. Дубровский
Сестра Кс. Николайченко	<i>Александрович</i>
<i>К. А. Крылов</i>	Семейство Родзянко
<i>Федор Степун</i>	<i>С. Алакритский</i>
Прот. Георгий Бенигсен	Прот. Александр Киселев
Правление Дома <i>Милосердный Самарянин</i>	Редакция Вестника Р. С. Х. Д.

